

ЧЕРНЫЙ ПЬЕРО ВЕРНУЛСЯ

В юбилейном Петербурге он сыграл спектакль о блокадном Ленинграде

Смена - С. - Пб. - 2003 - 4 марта - с. 10.

В РОДНОЙ город вернулся Игорь Ларин - актер и режиссер, создатель театра «Монплеzir», автор весьма любопытных спектаклей: «Мой первый друг», «Вертинский. Исповедь барона», «Буратино. Большая жизнь» и других.

ЛАРИНСКИЙ театрик в городе любили, но недостаточно сильно, чтобы актеру было комфортно здесь работать. Ларин возглавлял драмтеатр в Петрозаводске, играет свои моноспектакли в Москве. А недавно снялся в роли булгаковского Максудова в «Театральном романе». Его своеобразие обаяние и фирменное, в высшей степени загадочное, выражение лица постепенно становится не только художественным, но и общедоступным.

Здесь все опасно

«Ленинградская симфония» - новый моноспектакль Ларина. Это - о блокаде. Здесь все опасно: опасно не убедить публику в серьезности своих мотивов и в собственной искренности - и получить обвинение в конъюнктуре, опасно «не дотянуть» режиссерски,

«пережать» эмоционально, разменять трагедию на сантименты - и не удержаться в рамках эстетического вкуса. Выход один - рискнуть самым дорогим, «подставиться» всерьез. Ларин так и делает.

Его спектакль собран из элементов простых, серьезных и не то чтобы очень новых в разговоре о блокаде. «Ленинградская симфония» Дмитрия Шостаковича (фонограмма), известные кадры кинохроники (из старенького проекта), кусочки текста из «Дневных звезд» Ольги Берггольц. Все вместе, собранное в трогательно крохотном зальчике Театрального музея, производит впечатление планового школьного вечера, посвященного Великой Отечественной войне.

Белая перчатка

Эту «школьную» эстетику преодолевает одинокий Черный Пьеро - немногословный рассказчик истории о маленькой девочке, чудом пережившей блокаду. Девочкина кукла - большая, довоенная, с плохо держащейся головой и славными валеночками - немой собеседник актера. Девочкин голос, звучащий в домашней, с

хрипотцой записи, и есть главный герой спектакля.

Только голос этот - не детский. Это голос мамы Игоря, пережившей блокаду и рассказывающей сыну свою жизнь. А там - трагедия города, в подробностях, увиденных ребенком: хлебные крошки, разведенный столярный клей, класс в бомбоубежище и трупы, которые нужно перед уроком убрать из-за парты, нечеловечески страшные истории про каннибализм, горстка белых сухариков, которые спасли девочкину маму...

Черный Пьеро белой перчаткой тихонько смахивает живую слезу - жестом, который, я надеюсь, он не станет закреплять. Нет, тут не «все на продажу». Воспоминания близкого человека стали «материалом» ровно в той степени, в которой странные люди искусства превращают в материал любые свои эмоции.

Помнится, ларинский Буратино очень верил во всемогущество театрального искусства - теперь его траурный Пьеро силой театра пытается спасти маленькую маму. Жест наивный и героический одновременно. А то в последние дни как-то позабылось, что Петербург - это не только юбилей. Но и судьба.

Лилия ШИТЕНБУРГ

Пьеро беседует с безмолвной куклой

Фото Геннадия СЕДОВА

*Ларин Игорь
«Исповедь барона» и «Буратино»
созд. Буратино, «Монплеzir».*

10.06.03.

ЛН